

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 26

2022

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv73@mail.ru

Адрес сайта журнала: <http://legallinguistics.ru/>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Правовая коммуникация	
Глушак В.М. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ДИДАКТИЗМА В КОММУНИКАТИВНОМ ПОВЕДЕНИИ СЛЕДОВАТЕЛЯ (НА МАТЕРИАЛЕ ДЕТЕКТИВОВ РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ АВТОРОВ)	6
Юридическая техника	
Бегишев И.Р. ЮРИДИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «РОБОТ»	13
Головинов А.В. ПОНЯТИЕ «ПРОВИНЦИЯ» В ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОМ УЧЕНИИ СИБИРСКИХ ОБЛАСТНИКОВ: АНАЛИЗ КАТЕГОРИАЛЬНОГО АППАРАТА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ Н.М. ЯДРИНЦЕВА И Г.Н. ПОТАНИНА	17
Довгань К.Е. КАТЕГОРИЯ «РАМОЧНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО» В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РФ	22
Дудко Н.А. СУД ПРИСЯЖНЫХ ИЛИ СУД С УЧАСТИЕМ ПРИСЯЖНЫХ ЗАСЕДАТЕЛЕЙ: ПРОБЛЕМЫ ТЕРМИНОЛОГИИ	26
Тыдыкова Н.В. О ПОНЯТИИ И СОДЕРЖАНИИ ПОЛОВОЙ СВОБОДЫ И ПОЛОВОЙ НЕПРИКОСНОВЕННОСТИ КАК ОБЪЕКТАХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ	33
Шутова А.А. ЮРИДИКО-ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ЗД-БИОПРИНТИНГ»	40
Юридическая герменевтика	
Васильев А.А., Архипов В.В., Андреев Н.Ю., Печатнова Ю.В. ВИРТУАЛЬНЫЙ МИР И СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ: АСПЕКТЫ СООТНОШЕНИЯ	48
Губернаторова Э.В., Тимофеев Е.В., Пинчук А.П. ДВОЙНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ КАК МЕЖОТРАСЛЕВАЯ ПРОБЛЕМА: НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НА ПРАКТИКЕ	53
Казанцева О.Л. О ЦЕННОСТИ ЖИЗНИ И ПОНЯТИИ ПРАВА НА ЖИЗНЬ	60
Сорокин В.В. ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОСТМОДЕРНИЗМА	65
Лингвоэкспертология	
Колтунова Е.А., Давыдов С.В. К ВОПРОСУ О ПАРАМЕТРИЗАЦИИ ПОНЯТИЯ ДИСКРЕДИТАЦИЯ В СУДЕБНЫХ ПСИХОЛОГО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЭКСПЕРТИЗАХ	69

Лингвоконфликтология	
Зюбина И.А. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФЕНОМЕНА ДОМИНИРОВАНИЯ В ЮРИСЛИНГВИСТИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ	76
Суггестивная функция языка и речевое манипулирование	
Деминова М.А., Чугулова А.А. «ЗА ГРАНЬЮ»: ТРЭШ-ЖУРНАЛИСТИКА НА ГРАНИ КОММУНИКАТИВНЫХ НОРМ	81
Язык и право	
Масяйкина Е.В., Владимирова С.Б. ИДЕОЛОГИЯ ОБЛАСТНИЧЕСТВА В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: НА МАТЕРИАЛЕ ЛЕКСИКО-ЯЗЫКОВЫХ ПРАКТИК ПОВЕСТИ ГЕОРГИЯ ГРЕБЕНЩИКОВА «ХАНСТВО БАТЫРБЕКА»	90
Рецензии. Хроника. Информация	
Галяшина Е.И., Богатырев К.М., Никишин В.Д. КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ИНФОРМАЦИОННЫМ УГРОЗАМ В ИНТЕРНЕТ-СРЕДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЮРИДИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ (РЕФЕРАТИВНЫЙ ОБЗОР)	96

CONTENTS

Legal Communication	
Glushak V.M. CONCEPTUALIZATION OF DIDACTICISM IN THE COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF AN INVESTIGATOR (BASED ON DETECTIVE STORIES BY RUSSIAN AND ENGLISH AUTHORS)	6
Legal Techniques	
Begishev I.R. LEGAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «ROBOT»	13
Golovinov A.V. THE CONCEPT OF "PROVINCE" IN THE PHILOSOPHICAL AND LEGAL DOCTRINE OF THE SIBERIAN REGIONALISTS: ANALYSIS OF THE CATEGORICAL APPARATUS OF POLITICAL AND LEGAL THOUGHT OF N.M. YADRINTSEV AND G.N. POTANIN	17
Dovgan K.E. CATEGORY OF "FRAMEWORK LEGISLATION" IN THE NATIONAL LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION	22
Dudko N.A. JURY TRIAL OR COURT WITH JURY PARTICIPATION: TERMINOLOGY ISSUES	26

Tydykova N.V. ON THE CONCEPT AND CONTENT OF SEXUAL FREEDOM AND SEXUAL INVIOABILITY AS OBJECTS OF SEXUAL OFFENCES	33
Shutova A.A. LEGAL AND TERMINOLOGICAL ANALYSIS OF THE CONCEPT OF «3D-BIOPRINTING»	40
Legal hermeneutics	
Vasiliev A.A., Arkhipov V.V., Andreev N.Yu., Pechatnova Yu.V. VIRTUAL WORLD AND SOCIAL REALITY: CORRELATION ASPECTS	48
Gubernatorova E.V., Timofeev E.I., Pinchuk A.P. DUAL RESPONSIBILITY AS A CROSS-SECTORAL PROBLEM: SOME PRACTICAL APPLICATION ISSUES	53
Kazantseva O.L. ON THE VALUE OF LIFE AND THE CONCEPT OF THE RIGHT TO LIFE	60
Sorokin V.V. INTERPRETATION OF THE LAW IN THE LIGHT OF POSTMODERNISM	65
Linguoexpertology	
Koltunova E.A., Davydov S.V. ON PARAMETRIZATION OF THE CONCEPT OF DEFAMATION IN FORENSIC PSYCHOLOGICAL AND LINGUISTIC EXAMINATIONS	69
Linguoconflictology	
Zyubina I.A. CONFLICTOGENIC POTENTIAL OF THE DOMINANCE PHENOMENON IN THE JURISLINGUISTIC ASPECT	76
Suggestive function of language and speech manipulation	
Deminova M.A., Chugulova A.A. "BEYOND": TRASH JOURNALISM ON THE VERGE OF COMMUNICATIVE NORMS	81
Language and law	
Masyaikina E.V., Vladimirova S.B. IDEOLOGY OF OBLASTNICHESTVO AS THE REFLECTION OF RUSSIAN CULTURE: CASE STUDY OF LEXICO-LINGUISTIC PRACTICES IN GEORGE GREBENSHCHIKOV'S STORY «THE KHANATE OF BATYRBEK»	90
Reviews. Chronicle. Information	
Galyashina E.I., Bogatyrev K.M., Nikishin V.D. CONCEPTUALIZATION OF RESISTANCE TO INFORMATION THREATS IN THE INTERNET ENVIRONMENT VIA SPECIAL LEGAL AND FORENSIC LINGUISTIC KNOWLEDGE	96

К вопросу о параметризации понятия дискредитация в судебных психолого-лингвистических экспертизах

Е.А. Колтунова¹, С.В. Давыдов²

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
проспект Гагарина, 23, 603022, Нижний Новгород, Россия. E-mail: ¹koltunova52@yandex.ru,
²sergej.davydov@googlemail.com*

Предметом исследования в статье послужили особенности применения понятия «речевая стратегия дискредитации» в процессе экспертной деятельности в рамках диспозиции статьи 20.3.3 КоАП РФ и статьи 280.3 УК РФ. Актуальность анализа обусловлена как достаточной неопределенностью психологических и лингвистических признаков понятия «дискредитация», так и нечеткой позицией законодателей и правоприменителей, вводящих это определение в нормы действующего законодательства и практику судебной лингвистической и психолого-лингвистической экспертизы. В ходе исследования выявляются значимые расхождения в общезыковой, научной и правоприменительной трактовках стратегии дискредитации. Подробно анализируются информационно-методические материалы ЭКЦ МВД РФ и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, связанные с экспертными подходами к анализу потенциально противоправных текстов (высказываний) в рамках диспозиции статей 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ.

Ключевые слова: комплексная психолого-лингвистическая экспертиза, стратегия дискредитации, речевые средства, форма высказывания, заведомо ложная информация, коммуникативная направленность, целевая направленность, диагностический комплекс.

On Parametrization of the Concept of Defamation in Forensic Psychological and Linguistic Examinations

E.A. Koltunova¹, S.V. Davydov²

*Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
23 Gagarin Ave., 603022, Nizhny Novgorod, Russia. E-mail: ¹koltunova52@yandex.ru,
²sergej.davydov@googlemail.com*

The subject of the article is the peculiarities of the application of the concept of “speech strategy of defamation” in the process of expert examination as per Article 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and Article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation. The relevance of the analysis is due to both the sufficient uncertainty of the psychological and linguistic features of the concept of “defamation”, and the fuzzy position of legislators and law enforcers, introducing this definition into the norms of the current legislation and the practice of forensic linguistic examination and complex psycholinguistic analyses. The study reveals significant differences in the general language, scientific and law enforcement interpretations of the strategy of defamation. In detail are analyzed the information resources and methodological materials of the ECC of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation and the Federal Budgetary Institution of the Russian Federal Centre of Forensic Science under the Ministry of Justice of Russia, related to expert approaches to the analysis of potentially illegal texts (statements) as per articles 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and article 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: complex psychological and linguistic examination, defamation strategy, speech means, form of utterance, deliberately false information, communicative focus, goal, diagnostic complex.

Введение в правоприменительную практику новых «дискредитирующих» статей породило значительное количество экспертных подходов к анализу потенциально противоправных текстов. И даже публикация методических писем ЭКЦ МВД РФ [Информационное письмо 2022] и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте РФ [Кузнецов, Секераж, Усов 2022] не сняла

проблему анализа речевой стратегии дискредитации в диспозиции статей 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ «Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях».

В дискуссионном поле оказались несколько вопросов: а) определение объема понятия «дискредитация» (от фр. *discrediter* «подрывать доверие»); б) формулировка введенных 04.03.2022 года статей с «отсутствующим субъектом» использования вооруженных сил РФ; в) определение предмета речи конфликтного текста (высказывания); г) отношение к предмету речи; д) выявление речевой цели и др. Предлагаемая статья призвана проанализировать именно эти дискуссионные вопросы.

1. Объем понятия дискредитации, как отмечалось в ряде работ [см., например, Жарков, Константинова 2022], в лингвистике, психологии и праве не совпадает. В языкознании речевой акт (РА) дискредитации представляет собой стратегию планирующего типа, включающую в себя ряд специальных (коммуникативно-прагматических, содержательно-композиционных и речевых) признаков, то есть представляет собой «комплекс речевых действий, направленных на достижение коммуникативной цели» [Иссерс 2009: 56, 93; Иссерс 2008: 181-182]. Коммуникативная направленность стратегии дискредитации – снижение «положительного образа» адресата или объекта дискредитации, подрыв доверия к кому-либо, умаление авторитета и значимости дискредитируемого лица, изменение мнения о нем, вызывание сомнения в его положительных качествах, создание образов врага или убийцы и т.д. Это речевое воздействие, в результате которого адресат или объект должен быть «обижен, причем несправедливо, оскорблен», должен «чувствовать себя объектом насмешки» [Иссерс 2009].

В отличие от лингвистики в психологии, как это часто случается в социальных науках, термин «дискредитация» не имеет устоявшейся собственно психологической специфики и наполнения этого понятия уникальным психологическим содержанием. Исключение составляет, пожалуй, лишь использование данного термина в рамках психопатологии, где дискредитация рассматривается как «вариант гиперкомпенсаторного поведения, при котором индивид упорно стремится обесценить значимость кого-либо в стремлении преодолеть собственный комплекс неполноценности» [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике URL].

В рамках социальной психологии дискредитация рассматривается по-разному:

а) как одна из коммуникативных стратегий информационно-психологического воздействия, «характеризующая «чужих» в качестве одной из составляющих фантомного биполярного мира, целью которой является стремление подорвать доверие, уличить в чем-либо, вызвать сомнение, а также ненависть и гнев к объекту речи» [Карапетян, Тагильцева 2017];

б) как результат такого воздействия, предполагающий «нарушение, насильственную, против воли человека, ломку психологических и социальных защит, к которым относится хорошая репутация и идеальное Я [Марченко, Маховская 2018];

в) как цель информационно-психологического воздействия, связанная с преднамеренным и целенаправленным вмешательством в процессы психического отражения действительности, направленная на формирование определенных эмоциональных состояний и типов поведения и в конечном счете заключающаяся в «подчинении объекта воздействия актору войны, а в предельном случае в его коммуникативном убийстве (полной дискредитации)» [Сковородников, Копнина 2016].

В целом же трактовка термина «дискредитация» в психологии вполне совпадает с общеязыковым значением: «подрыв доверия к кому-либо, умаление чьих-то авторитета, заслуг, способностей кого-либо, например, в силу политических мотивов» [Энциклопедический словарь по психологии и педагогике URL].

В правовой сфере термин «дискредитация» определен более узко. Так, в Законе о «О защите конкуренции» от 26.07.2006 N 135-ФЗ сказано: «Не допускается недобросовестная конкуренция путем дискредитации, то есть распространения ложных, неточных или искаженных сведений, которые могут причинить убытки хозяйствующему субъекту и (или) нанести ущерб его деловой репутации...» (ст. 14.1). Следовательно, в понятие дискредитации включено распространение сведений, являющихся ложными, не соответствующими действительности.

Появление в марте 2022 года правовых новелл, связанных с проведением Специальной военной операции (СВО), дало новое понимание этого термина, так как заведомо ложная информация в диспозиции ст. 207.3 УК РФ была в значительной части отделена от понятия дискредитации (ст. 20.3.3 КоАП РФ и ст. 280.3 УК РФ), а информационные (инструктивно-методические) письма ЭКЦ МВД РФ и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте сформировали новые подходы к определению анализируемого понятия. Так, в письме ЭКЦ МВД к текстам дискредитирующего типа отнесены материалы, которые содержат «...информацию об осуществлении российскими военными (в том числе их командованием) на какой-либо территории действий, характеризующихся как преступные, захватнические, связанные с геноцидом, убийством мирных граждан и др. Это тексты, в которых содержатся речевые указания на совершение военными, например, таких действий, как: грабят, убивают, насилуют и др.; указывается на последствия данных действий. Кроме того, текст может содержать утверждения и (или) обоснование необходимости противодействовать использованию (функционированию) Вооруженных Сил Российской Федерации» [Информационное письмо 2022: 5]. Таким образом, в дефиницию дискредитации включены не только заведомо ложные сведения о действиях ВС РФ, но и оценочная, побудительная и обосновывающая информация.

В Методическом письме ФБУ РФЦСЭ при Минюсте [Кузнецов, Секераж, Усов 2022] рекомендовано по данным статьям проводить комплексные психолого-лингвистические экспертизы и основное внимание уделять предмету речи (ВС РФ и государственные органы), отношению к предмету речи (негативное), а также целевой составляющей

конфликтогенных речевых материалов.

Под дискредитацией в анализируемом документе понимаются «умышленные действия, направленные на подрыв доверия к государственной власти и ее органам, умаление их авторитета и значения в связи с использованием ВС РФ и исполнением государственными органами РФ своих полномочий в целях защиты интересов РФ и ее граждан в целях поддержания международного мира и безопасности» [Кузнецов, Секераж, Усов 2022: 6]. Немаловажным признаком дискредитации является также побуждение (призыв) к воспрепятствованию использования ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан в целях поддержания международного мира и безопасности.

Таким образом, в компетенцию специалистов – лингвистов и психологов входит определение предмета речи: а) вооруженные силы РФ, б) государственные органы РФ. Кроме того, следует охарактеризовать отношение к предмету речи (негативное – подрыв доверия в добросовестности и правильности деяний ВС РФ и государственных органов РФ), а также выявить призывы и их содержание. Важнейшей частью анализа является характеристика речевой цели спорных высказываний.

Сравнительный анализ лингвистического, психологического и правового (специального с точки зрения экспертной теории и практики) понимания РА дискредитации указывает на определенные несовпадения: в общеязыковом и социально-психологическом значении стратегия дискредитации обладает значительно более широким набором признаков [Колтунова, Жарков 2021], нежели в правовой интерпретации. И если ранее в праве дискредитации соответствовали ложные сведения о предмете речи (ст. 14.1 ФЗ № 135), то в диспозиции новых статей к дискредитирующей информации относится: а) негативная информация (в том числе аргументативного типа), характеризующая цели СВО, а также действия ВС РФ и государственных органов; б) информация, содержащая негативные, заведомо ложные сведения о действиях ВС РФ и государственных органов; в) побудительная, убеждающая и обосновывающая информация, связанная с противодействием проведению СВО. Важнейшей общей дефиниционной особенностью понятия «дискредитация» являются речевые действия планирующего типа – то, что в праве характеризуется как «умышленные действия» – признак, квалификация которого находится исключительно в компетенции суда.

2. Как справедливо отмечается в ряде публикаций, формулировка первой части названия статей 20.3.3. КоАП РФ и 280.3 УК РФ («публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности» не в полной мере соответствует нормам русского литературного языка как государственного (см., напр., [Жарков, Константинова, 2022]), что породило неоднозначность восприятия и допустило возможность различных интерпретаций диспозиции анализируемых статей вследствие несоблюдения основного требования к формулировкам правовых документов – однозначности. Точность и однозначность выражения мысли действительно являются важнейшими признаками юридического дискурса, однако определенность изложения в таких текстах зачастую требует различных уточнений, что влечет за собой употребление осложненных синтаксических структур – предложений с обособленными оборотами, а также конструкций с однородными членами, то есть сигнификативное значение номинативной единицы постоянно уточняется посредством введения дополнительных речевых средств. Рассматриваемые статьи (20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ) относятся к юридическому дискурсу, причем к его ядру, а не периферии, а законодательные тексты, как известно, отличаются клишированностью и интертекстуальностью, поэтому некая неопределенность значения спорного контекста снимается, если обратиться к прецедентному тексту – Постановлению Совета Федерации Федерального Собрания РФ от 22.02.2022 N 35-СФ «Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации», в котором дается «согласие Президенту Российской Федерации на использование [выделено нами – Е.К., С.Д.] Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации на основе общепризнанных принципов и норм международного права», причем это согласие дано на основании обращения Президента Российской Федерации. В этой связи важно учитывать, что отвлеченное существительное «использование» может быть образовано не только от двувидового глагола «использовать», но и от возвратного, несовершенного вида «использоваться» – применяться где-либо кем-либо [Современный толковый словарь русского языка 2003: 251] и обозначать не только: «(а) собственно действие, названное мотивирующим глаголом; (б) единичный акт этого действия» [Жарков, Константинова 2022], но также «результат и продукт действия» [Русская грамматика, т.1 1980: 157-160]. Кроме того, страдательное залоговое значение реализуется и при отсутствии творительного производителя действия, если производителем действия мыслится коллектив, а не единичное лицо. Исходя из сказанного выше, представляется вполне логичным подход Т.Н. Секераж, которая полагает, что субъектом использования ВС РФ в диспозиции анализируемых правовых новелл является власть [Секераж 2022: 46].

Отмеченная неопределенность снимается также указанными выше информационно-методическими материалами, в которых однозначно устанавливается, что предметом дискредитации использования ВС являются не российские вооруженные силы и не государственные органы в целом, но их конкретная деятельность, связанная с осуществлением СВО: а) ВС РФ в период их использования в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности; б) государственные органы Российской Федерации в период исполнения своих полномочий в указанных целях.

Таким образом, лозунговая информация, появившаяся в начальный период проведения СВО («Нет войне!», «Миру мир», «Мы против войны!» «Нет в***е»¹, «*** *****» и др.) не имеет предметом речи ни ВС РФ, ни государственные органы РФ. Тем более, вне связного контекста зачастую эксплицирует лишь эмоциональное восприятие происходящих событий, выражая таким образом страх, беспокойство, непонимание ситуации. Как справедливо отмечается в одной из публикаций, «к числу факторов, подлежащих обязательному учету в ходе психологического исследования спорных текстов, прямо или косвенно связанных с вопросами использования Вооруженных Сил Российской Федерации для проведения специальной военной операции, инициированной 24.02.2022, относятся возможные состояния психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта, вызванные высокой степенью когнитивного диссонанса – несоответствия между двумя или более когнитивными элементами, взаимоисключающими друг друга. В основе функционирования когнитивного диссонанса лежит "стремление человеческого сознания к согласованности, непротиворечивости его когнитивных элементов"» [Жарков, Константинова 2022: 446]. В целом соглашаясь с позицией о необходимости учета состояния психоэмоционального напряжения и психологического дискомфорта субъектов речи, мы бы не стали ограничиваться лишь когнитивным диссонансом в картине мира человека. Причины психоэмоционального напряжения могут быть весьма разнообразны: это и изначально плохие адаптивные навыки, и наличие определенных личностных черт – таких, как перфекционизм, авторитарность, амбициозность, и нарушение механизмов адаптации, связанное с изменением привычной картины мира, усложнением социальных условий жизни человека, с возникновением психотравмирующих ситуаций (потеря близких, тяжелая болезнь, финансовые проблемы, уголовное преследование и пр.), и субъективное восприятие уровня благополучия. Все это может способствовать накоплению негативных эмоций и формированию психоэмоционального напряжения и стресса, то есть требует учета при экспертном анализе.

3. Одним из значимых экспертных признаков в делах о дискредитации является оценка речевых средств, выражающих отношение к предмету речи. Важно обратить внимание на то, что оценка эта должна быть нормативной и социальной (указание на незаконность, преступность, направленность на насилие и причинение вреда; сравнение с действиями фашистов, агрессоров), а не реактивной, то есть эмоционально-экспрессивным средством самовыражения (Нет войне! Миру мир! Жесть какая!).

Информационно-методические материалы ЭКЦ МВД и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте акцентируют внимание на отрицательной оценке целей (с обоснованием их негативного характера) СВО. Указанная оценка должна реализовываться в речевом акте убеждения (ДК «Убеждение»). Убеждение как коммуникативная стратегия является существенным компонентом речевого воздействия. Убеждение способствует изменению, трансформации, модификации «картины мира» коммуниканта, которая является лишь частью объективной действительности и представляет собой знания, убеждения, веру, состояние коммуниканта. Убеждение неразрывно связано с понятием аргументации, которая является дополнительным доказательством, средством разъяснения реципиенту своих позиций. Коммуникативная стратегия убеждения реализуется в речи посредством ряда коммуникативных тактик, а именно: 1) тактики утверждения, введения каких-либо сведений; 2) тактики предложения и совета, когда говорящий не оказывает давление на слушающего; 3) тактики предупреждения и угрозы, сопровождающиеся максимумами действий из поля ментальных знаний адресанта о стандартных ситуациях, известных ему из общественной практики, и указанием на последствия, к которым приведет исполнение действий, планируемых для адресата; 4) тактика комплимента; 5) тактика просьбы и требования. Следует отметить, что тактика утверждения, включающая в себя элементы аргументации, является одной из наиболее распространенных. Необходимость использования «убеждающих» утверждений наступает тогда, когда существует разница в «картине мира» говорящего и «картине мира» слушающего. О.С. Иссерс считает, что в основе выделения указанных тактик лежат два признака: 1) количественный – т. е. продолжительность речевого действия и 2) качественный – т. е. средства воздействия [Иссерс 2008: 144]. Таким образом, речевой акт убеждения – это сложный, многокомпонентный («многоходовый») речевой акт, что следует учитывать при экспертной оценке потенциально противоправных текстов. Важно отметить еще один нюанс. Цель всегда тесно связана с результатом: цель – то, к чему стремятся, что намечено достигнуть, умысел, намерение, которое должно осуществиться; результат – итог, следствие; то, что получилось по завершении какого-либо действия или процесса, вследствие этого действия или процесса [Кузнецов 2003: 697, 914]. К сожалению, цели не всегда совпадают с результатами (моделирование результата еще не является гарантией его получения), хотя связь целей и результатов очевидна. Является ли негативная оценка текущих результатов СВО столь же значимой, как оценка целей, поставленных Верховным главнокомандующим РФ? Полагаем, что в таких случаях крайне важно исследовать контекст для определения имплицитных оценок именно целей. Так, в известном проекте решения депутаты шестого созыва Муниципального Совета муниципального образования «Смольнинское» отсутствуют оценка целей СВО, но выражено отрицательное мнение (маркер – вводное словосочетание «По нашему мнению») относительно результатов специальной операции. В контексте «Одной из целей СВО была объявлена демилитаризация Украины. Однако достигнут обратный эффект. За время СВО Украина получила современную военную технику и средства в сумме на 38 миллиардов долларов. Это больше годового военного бюджета Канады или Польши» речевые средства, эксплицирующие негативную оценку этой цели СВО, отсутствуют, однако выявляется

¹ Тюменский областной суд оправдал девушку, которая во время митинга против частичной мобилизации написала мелками на асфальте «Нет в***е» на площади Единства и согласия в Тюмени. Девушке удалось убедить суд, что она имела в виду «Нет воле», так как терпеть не может эту рыбу.

отрицательная оценка результата, выраженная в том числе и связанным словосочетанием «обратный эффект», то есть «направленный в противоположную по сравнению с поставленной целью сторону».

4. Как отмечалось выше, важнейшим признаком стратегии дискредитации являются речевые действия планирующего типа; следовательно, одним из самых значимых для правовой квалификации продуктов речевой деятельности признаков является целевая направленность (цель) потенциально делинквентных высказываний. Исходя из диспозиции анализируемых («дискредитирующих») статей, основная цель, маркирующая противоправные суждения, — противодействие использованию ВС РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан, а также в целях поддержания международного мира и безопасности. В методических материалах ФБУ РФЦСЭ при Минюсте указанная цель формулируется в диагностическом комплексе (ДК) «Побуждение (в том числе в форме призыва)». Диагностический комплекс (ДК) «Убеждение» эксплицирует противоправную цель – «убеждение, то есть побуждение к изменению мнения о том, что цели использования ВС России не соответствуют обозначенным» [Кузнецов, Секераж, Усов 2022: 7, 9, 10]. Информационное письмо ЭКЦ МВД в качестве целевой направленности «дискредитирующего» речевого материала называет направленность «на выражение негативной оценки объекта, а также приведение доводов в качестве обоснования такой позиции» [Инструктивное письмо 2022: 5].

Действительно проблема целеполагания в психологии является одной из ключевых, особенно по отношению к процессам мышления, так как специфика мышления состоит во внутренней направленности субъекта на достижение цели, в поиске ответа на поставленный вопрос, в решении задачи [Петухов 1987]. В рамках когнитивной психологии целеполагание рассматривается в качестве ведущей когнитивной деятельности. Причем проводятся различия между: (а) глобальными целями (достижение которых сложно верифицировать) и специфическими (которые могут быть весьма точно описаны и оценены субъектом в отношении степени их реализации); (б) имплицитными (неосознаваемыми) и эксплицитными (осознаваемыми) целями [Дернер 1997].

В отечественной психологической традиции под термином «цель» понимается именно осознанный образ превосходящего будущего результата, на достижение которого направлено действие человека (см., напр., [Леонтьев 1975]). Цель, таким образом, тесно связана с действием, так как «действие является процессом, подчиненным представлению о том результате, который должен быть достигнут, то есть процесс, подчиненный сознательной цели» [Леонтьев 1975]. Причем развернутая деятельность предполагает достижение целого ряда конкретных целей, что позволяет говорить о выделении частных целей из общей: в этом случае «роль общей цели начинает играть осознанный мотив, который благодаря его осознанности превращается в мотив-цель» [Леонтьев 1975]. Кроме того, понятие цели также употребляется и в значении формального описания конечных ситуаций, к достижению которых стремится любая саморегулирующаяся функционирующая система. Существующее разнообразие определений понятия «цель» показывает, что его дефиниции довольно неоднозначны и связаны с разными теоретическими интерпретациями данного понятия в рамках психологии.

В психолингвистике, находящейся на стыке психологии и лингвистики, субъективное желание говорящего строить высказывания с определенной целью, его коммуникативное намерение, целевая установка обозначаются понятием «интенция». Интенция формируется под влиянием мотива и, проходя стадию осознанности, получает соответствующую речевую реализацию, превращаясь в коммуникативную цель, т. е. будучи реализованной в тексте по своей сути она является целевой установкой высказывания. Целевая направленность речевой деятельности означает, что любой акт речевой деятельности характеризуется конечной, а любое речевое действие – промежуточной целью, выраженной в коммуникативном влиянии, достижение которой, как правило, планируется субъектом заранее [Поминов 2015].

В анализируемых информационно-методических материалах ЭКЦ МВД и ФБУ РФЦСЭ при Минюсте представлена точка зрения, связанная с таким взглядом на понятие цели, при котором (как указывает [Секераж, 2022: 46]) «в целевом компоненте высказывания должна быть выражена (в том числе имплицитно) речевая цель «убеждение», т. е. побуждение к изменению мнения в том, что цели использования ВС России не соответствуют обозначенным» – т. е. законодательно обозначенным целям защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности, а направлены на формирование «негативного образа ВС России и негативного эмоционально-смыслового отношения к их действиям». При этом особое внимание рекомендовано обращать, прежде всего, на наличие аргументации и инициирование эмоциональных реакций: страха, тревоги, стыда, агрессии, чувства вины и т. д. Именно поэтому выявление целевой установки речевых высказываний в аспекте возможной направленности на дискредитацию ВС РФ предлагается определять нацеленностью текста на убеждение адресата (в негативном характере целей использования ВС России либо целей исполнения государственными органами РФ своих полномочий (т. е. дискредитации) и на «побуждение (в том числе в форме призыва)» к противодействию функционированию ВС России и (или) государственных органов России в связи с проведением СВО. В целом такой подход представляется вполне логичным, однако в то же время необходимо отметить, что используемые в качестве референтного признака «цели защиты интересов государства и его граждан, поддержания международного мира и безопасности» являются по сути глобальными целями, достижение которых, как было указано ранее, сложно верифицировать, что может создавать проблемы и в отношении верификации противоположных речевых целей, анализируемых в рамках новых «дискредитирующих статей».

Таким образом, следует заключить, что понятие «дискредитация» в диспозиции статей 20.3.3 КоАП РФ и 280.3 УК РФ в современной экспертной практике не является устоявшимся и однозначным: оно не включает в себя всех признаков речевой стратегии дискредитации и не является идентичным даже в трактовке экспертных центров МВД и Минюста, что значительно затрудняет работу экспертов. Психолого-лингвистические параметры понятия

«дискредитация» в аспекте его применения в правовых коллизиях законодательных новелл нуждаются в существенном уточнении. Полагаем, что в его основу могут быть положены такие признаки, как: а) речевой акт планирующего типа, б) наличие заведомо ложной информации (информации, не соответствующей действительности, выраженной в форме утверждения); в) социальная (в т. ч. аргументативная) негативная оценка предмета речи и (или) его действий.

Важно обратить внимание на то, что дефиниционная точность относится к числу существенных обстоятельств, имеющих значение для разрешения проблем, связанных с исследованием потенциально противоправных речевых материалов, так как в ст. 8 Федерального закона №73-ФЗ эксплицировано следующее требование: «Эксперт проводит исследования объективно, на строго научной и практической основе. Заключение эксперта должно основываться на положениях, дающих возможность проверить обоснованность и достоверность сделанных выводов на базе общепринятых научных и практических данных». Объективность исследования, а также проверяемость полученных в ходе экспертного анализа выводов являются важнейшими общими принципами научного познания, а ведущим критерием объективности является получение тех же или близких результатов при воспроизведении исследования другим специалистом или учреждением.

Литература

- Аношина Е.Ю. Речевая стратегия дискредитации в текстах русскоязычных интернет-блогов / Инновационная наука. – 2016. – №. 10-3. – С. 86-89.
- Дернер Д. Логика неудачи. Стратегическое мышление в сложных ситуациях. М., 1997.
- Жарков И.В., Константинова В.В. Типовые экспертные задачи в судебных делах по статьям 207.3 УК РФ, 280.3 УК РФ, 20.3.3 КоАП РФ и возможные методы их решения / Неофилология. – 2022. – Т. 8. – № 3.
- Информационное письмо «Об особенностях назначения и проведения лингвистических экспертиз (исследований) материалов, связанных с распространением заведомо ложной информации в отношении Вооруженных Сил Российской Федерации и дискредитацией их действий, а также с призывами к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации и ее граждан». ЭКЦ МВД России, 2022.
- Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2012.
- Иссерс О.С. Речевое воздействие: Учебное пособие. М., 2009.
- Караетян А.А., Тагильцева Ю.Р. Принцип интолерантности как психологическая основа экстремистского дискурса: коммуникативные тактики и приемы дискредитации" врага" / Политическая лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 235-240.
- Колтунова Е.А., Жарков И.В. О пределах применения в лингвоэкспертной практике понятия речевой стратегии дискредитации / Неофилология. – 2022. Т. 8. – № 2. – С.218-227.
- Кузнецов В.О., Секераж Т.Н., Усов А.И. Методическое письмо «Об особенностях комплексных психолого-лингвистических судебных экспертиз информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией использования ВС РФ» (Утверждено Научно-методическим советом ФБУ РФЦСЭ при Минюсте России, протокол № 2 от 17 июня 2022 года).
- Леонтьев А.Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1975.
- Марченко Ф.О., Маховская О.И. Соотношение агрессии и нарциссизма в сетевых молодежных группах: на примере кибербуллинга (cyberbullying) / Человек в условиях неопределенности. – 2018. – С. 50-55.
- Петухов В.В. Психология мышления. М., 1987.
- Поминов А.В. Содержание психолингвистического исследования при производстве экспертиз по уголовным делам экстремистской направленности / Прикладная юридическая психология. – 2015. – № 3. – С. 152-159.
- Руженцева Н.Б. Дискредитирующие тактики и приемы в российском политическом дискурсе. Монография. Екатеринбург, 2004.
- Русская грамматика / под ред. Н.Ю. Шведовой. М., 1980. – Т. 1.
- Секераж Т.Н. Методический подход к исследованию информационных материалов, связанных с публичной дискредитацией применения Вооруженных Сил Российской Федерации / Теория и практика судебной экспертизы. – 2022. – Т.17. – № 2. – С. 41-48.
- Сивораक्षा М.А. Дискредитация как разновидность конфликтного общения / Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2007. – Т. 18. – № 44.
- Сковородников А.П., Копнина Г.А. О психологических основаниях лингвистики информационно-психологической войны / Экология языка и коммуникативная практика. – 2016. – № 2. – С. 238-258.
- Современный толковый словарь русского языка / под ред. проф. С. А. Кузнецова. СПб., 2003.
- Энциклопедический словарь по психологии и педагогике. 2013. URL: https://psychology_pedagogy.academic.ru/5854
- Leech G.H. Principles of Pragmatics. London, 1996. Pp. 104-105.

References

- Anoshina, E.Yu. (2016). Speech strategy of discrediting in the texts of Russian-language Internet blogs. Innovative science, 10-3, 86-89 (in Russian).

- Derner, D. (1997). The logic of failure. Strategic thinking in difficult situations. Moscow (in Russian).
- Encyclopedic Dictionary of Psychology and Pedagogy. (2013). Available from: https://psychology_pedagogy.academic.ru/5854/%D0%94%D0%B8%D1%81%D0%BA%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D1%8F (in Russian)
- Information letter "On the peculiarities of the appointment and conduct of linguistic examinations (research) of materials related to the dissemination of deliberately false information regarding the Armed Forces of the Russian Federation and the discrediting of their actions, as well as calls for the introduction of restrictive measures against the Russian Federation and its citizens". ECC of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2022 (in Russian).
- Issers, O.S. (2012). Communicative strategies and tactics of Russian speech. Moscow (in Russian).
- Karapetyan, A.A., Tagiltseva, Yu.R. (2017). The principle of intolerance as a psychological basis of extremist discourse: communicative tactics and methods of discrediting the "enemy". *Political Linguistics*, 6, 235-240 (in Russian).
- Koltunova, E.A., Zharkov, I.V. (2022). On the limits of application in linguoexpert practice of the concept of speech strategy of discrediting. *Neophilology*, 8, 2 (in Russian).
- Kuznetsov, V.O., Sekerazh, T.N., Usov, A.I. Methodological letter "On the features of complex psychological and linguistic forensic examinations of information materials related to public discrediting of the use of the RF Armed Forces" (Approved by the Scientific and Methodological Council of the FBU RFTSSE under the Ministry of Justice of Russia, protocol No. 2 dated June 17, 2022) (in Russian).
- Leech, G.H. (1996). Principles of Pragmatics. London, 104-105.
- Leontiev, A.N. (1975). Activity, consciousness, personality. Moscow (in Russian).
- Marchenko, F.O., Makhovskaya, O.I. (2018). Correlation of aggression and narcissism in online youth groups: on the example of cyberbullying. *Man in conditions of uncertainty*, 50-55 (in Russian).
- Modern explanatory dictionary of the Russian language / ed. prof. S. A. Kuznetsova. (2003). St. Petersburg (in Russian).
- Petukhov, V.V. (1987). Psychology of thinking. Moscow (in Russian).
- Pominov, A.V. (2015). The content of psycholinguistic research in the production of expertise in criminal cases of an extremist orientation. *Applied Legal Psychology*, 3, 152-159 (in Russian).
- Russian grammar / ed. prof. N. Yu. Shvedova. (1980). Moscow, 1 (in Russian).
- Ruzhentseva, N.B. (2004). Discrediting tactics and techniques in Russian political discourse. Monograph. Yekaterinburg .
- Sekerazh, T.N. (2022). A methodical approach to the study of information materials related to the public discrediting of the use of the Armed Forces of the Russian Federation. *Theory and practice of forensic examination*, 17, 2, 41-48 (in Russian).
- Sivoraksha, M.A. (2007). Discrediting as a kind of conflict communication. *Proceedings of the Russian State Pedagogical University A.I. Herzen*, 18, 44 (in Russian).
- Skovorodnikov, A.P., Kopnina, G.A. (2016). On the psychological foundations of linguistics of information-psychological warfare. *Ecology of language and communicative practice*, 2, 238-258 (in Russian).
- Zharkov, I.V., Konstantinova, V.V. (2022). Typical expert tasks in court cases under articles 207.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, 280.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, 20.3.3 of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and possible methods for their solution. *Neophilology*, 8, 3 (in Russian).

Citation:

Колтунова Е.А., Давыдов С.В. К вопросу о параметризации понятия дискредитация в судебных психолого-лингвистических экспертизах // Юрислингвистика. – 2022. – 26. – С. 69-75.

Koltunova E.A., Davydov S.V. (2022). On the issue of parametrization of the discrediting concept in forensic psychological and linguistic examinations. *Legal Linguistics*, 26, 69-75.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License
